

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 50 (3706)

Четверг, 25 апреля 1957 г.

Цена 40 коп.

К СОРОКАЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ГОД БОЛЬШОГО РАСЦВЕТА

ности, сельского хозяйства, культуры и искусства республики.

Вопрос. Как обогатил репертуар оперных и драматических театров?

Ответ. Последние месяцы были на редкость плодотворными для нашего искусства. Уже после десятилетия показана премьера нового балета молодого композитора Э. Оганесяна «Мармар».

Возьмем, например, область художественной литературы. Назову произведения, законченные нашими писателями.

Роман С. Зорьяна «1921 год» — о становлении Советской власти в Армении; повесть Н. Заряна — о борьбе трудящихся Армении против дашнаков.

Повесть о молодежи писателя Г. Атряна «Пробуждение». Заканчивает второй том романа «Дети большого дома» Р. Кочар.

Впервые вышли на русском языке романы А. Сирая «Арабат» и В. Хечумяна «У нас на юге».

К знаменательной дате республиканские издательства выпускают все наиболее ценное, что создано армянской литературой.

В плане 1957 года — около пятисот книг. Мы хотим напомнить, что сейчас Армения занимает одно из первых мест среди союзных республик по количеству издаваемой литературы.

В числе упомянутых мною пятисот книг: сборник «Ленин в армянской поэзии», «Писатели Армянской Республики».

«Октябрь» и армянская литература; большая событиями является выход в свет антологий советской армянской поэзии.

Ряд монографий по знакомит читателя с достижениями промышленности.

В числе упомянутых мною пятисот книг: сборник «Ленин в армянской поэзии», «Писатели Армянской Республики».

«Октябрь» и армянская литература; большая событиями является выход в свет антологий советской армянской поэзии.

Ряд монографий по знакомит читателя с достижениями промышленности.

В числе упомянутых мною пятисот книг: сборник «Ленин в армянской поэзии», «Писатели Армянской Республики».

«Октябрь» и армянская литература; большая событиями является выход в свет антологий советской армянской поэзии.

Ряд монографий по знакомит читателя с достижениями промышленности.

В числе упомянутых мною пятисот книг: сборник «Ленин в армянской поэзии», «Писатели Армянской Республики».

«Октябрь» и армянская литература; большая событиями является выход в свет антологий советской армянской поэзии.

Ряд монографий по знакомит читателя с достижениями промышленности.

В числе упомянутых мною пятисот книг: сборник «Ленин в армянской поэзии», «Писатели Армянской Республики».

«Октябрь» и армянская литература; большая событиями является выход в свет антологий советской армянской поэзии.

Ряд монографий по знакомит читателя с достижениями промышленности.

В числе упомянутых мною пятисот книг: сборник «Ленин в армянской поэзии», «Писатели Армянской Республики».

«Октябрь» и армянская литература; большая событиями является выход в свет антологий советской армянской поэзии.

Ряд монографий по знакомит читателя с достижениями промышленности.

В числе упомянутых мною пятисот книг: сборник «Ленин в армянской поэзии», «Писатели Армянской Республики».

«Октябрь» и армянская литература; большая событиями является выход в свет антологий советской армянской поэзии.

Ряд монографий по знакомит читателя с достижениями промышленности.

В числе упомянутых мною пятисот книг: сборник «Ленин в армянской поэзии», «Писатели Армянской Республики».

«Октябрь» и армянская литература; большая событиями является выход в свет антологий советской армянской поэзии.

Ряд монографий по знакомит читателя с достижениями промышленности.

В числе упомянутых мною пятисот книг: сборник «Ленин в армянской поэзии», «Писатели Армянской Республики».

«Октябрь» и армянская литература; большая событиями является выход в свет антологий советской армянской поэзии.

Ряд монографий по знакомит читателя с достижениями промышленности.

«Камо», посвященный жизни и революционной деятельности легендарного большевика Симона Тер-Петросяна.

«Кому улыбается жизнь» — о рабочих медных рудников Армении.

«Сердце матери» посвящена теме воспитания молодежи. Кроме художественных фильмов, наша киностудия даст несколько документальных очерков, показывающих рост и процветание Армении за годы Советской власти.

Вопрос. Как развиваются культурные связи Армении с другими республиками?

Ответ. После армянской декады коллектив Театра оперы и балета имени А. Спендиарова гастролировал в Ленинграде.

Тогда же перед зрителями выступил наш ансамбль песни и пляски.

В нынешнем году культурный обмен развернулся еще шире — успешно прошли выступления армянского эстрадного оркестра в Грузии и Азербайджане.

Недавно симфонический оркестр Армянской филармонии выступил в Москве.

Сейчас гастролирует в различных городах Российской Федерации.

В большой гастрольной поездке по средиземноморским республикам находится бригада армянских артистов.

В свою очередь к нам приезжают с концертами ансамбли песни и танца Азербайджана и Грузии.

Отдельные исполнители и солисты Москвы, Белоруссии. Особенно интересной и ценной в этом творческом общении была постановка оперы армянского композитора А. Тиграняна «Ануш» в азербайджанском театре оперы и балета имени Ахундова.

В которой армянские солисты пели свои партии на родном языке.

Артисты азербайджанского театра

Они уже сыграли в спектакле «Ануш» в Ереване и выступили в нашем спектакле «Ануш».

Выступления армянских артистов в Баку и азербайджанских артистов в Ереване превратились в подлинный праздник дружбы наших народов.

Мне кажется, что фестиваль «Театральная весна Закавказья», который будет проведен в этом году, обогатит искусство Грузии, Азербайджана и Армении.

Укрепит традиционные узы дружбы, повысит творческий уровень артистических коллективов трех республик.

Вопрос. Что делается для приближения к искусству широких масс населения?

Ответ. С первого по десятое ноября в городах и

районных центрах республики будет проведен большой праздничный концерт.

Праздник позволит выявить новые народные таланты.

У нас существует множество кружков самодеятельного творчества. Еще недавно в колхозных и заводских клубах Армении насчитывалось около 1700 кружков.

В том числе 647 — театральных, 132 — вокальных, 465 — песни и пляски, 282 — народных инструментов и т. д.

Ныне при сельских клубах будет организовано еще 150 кружков художественной самодеятельности.

Подъем культуры будет спонсировать и создание филиалов ереванских театров и филармонии в

нескольких районных центрах.

С увеличением готовят художники Армении свою большую юбилейную выставку.

Которая будет показана не только в Ереване, но и в других городах республики.

★ Пятьсот новых книг в юбилейном году.

★ Новые армянские оперы и балеты.

★ Фильм о легендарном Камо.

★ Интересный опыт культурных связей.

★ Филиалы ереванских театров в районных центрах.

Голос народной души

Раскройте в эти дни свежий номер любой газеты в любом из городов Китая, и вам бросится в глаза стих — характерный четырехстрочный квадратик иероглифов или целые столбцы, заполненные стихотворными строками.

В эти дни пребывания в Китае Климентя Ефремовича Ворошилова поэтическое вдохновение народа достигло необыкновенно высокого накала.

В поэтической форме выражает свое чувство любви и дружбы к советскому

народу и его славному представителю буквально весь народный Китай.

В пекинской печати выступают, например, с поэтическими строками и выдающиеся государственные деятели и заместители премьера Государственного Совета Чэн И, и маститые ученые, и просто владеющие пока лишь одной-двумя тысячами иероглифов труженики.

Наши китайские собратья-журналисты рассказывают, что редакции газет буквально захлебнулись потоком ответственных писем в адрес Председателя Мао Цзюна и Ворошилова.

Эти послания и в простом дословном переводе сами собой укладываются в поэтические строфы.

Вот, например, одно, взятое без выбора из сотен тысяч писем, поступивших в редакции газет. Его дословно перевели нам китайские друзья:

У меня нет для дорогих гостей ни золота, ни нефрита. У меня для родных братьев нет ни жемчуга, ни редкостных изделий из дорогих камней.

Золото и самоцветы имеют определенную цену. Того, чем полны в эти дни наши сердца, не измерить никакой ценой.

Я дарю вам, дорогие советские товарищи, свое сердце. Если собрать воедино только одни поэтические строки, исторгнутые в эти дни из глубин взволнованной души 600-миллионного народа, — какое духовное произведение народного гения явится миру!

«Поким—Аншань—Шэньян—Шанхай — по этому маршруту летит воздушный корабль Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР Ворошилова над бескрайней весенней китайской землей. В этом направлении, все нарастая, катится по Китаю небывалый для страны великих веших наводнений океанский вал торжества китайско-советской взаимности».

Когда самолет, которым прибыл К. Е. Ворошилов, опустился на Шанхайский аэродром, над аэродромом нависла мелкий непрерывный дождь. Но, несмотря на это, одна его капля не достигла асфальтированной площадки перед аэровокзалом, так плотно последняя была заполнена людьми.

Едва ли возможно хотя бы сколько-нибудь приблизительно описать, передавая словами ту грандиозную картину, какую являл собой в часы встречи шестимиллионный Шанхай.

На следующий день мы были участниками митинга жителей Шанхая на Народной площади города.

Появление тов. Ворошилова, Лю Шоуци и других на трибуне было встречено таким ликованием, что, казалось, загрохотала сама земля. И гремели, разнеслись по всему Шанхаю, слова: «Чжунсу юэо ваньсуй», «Де заравствует китайско-советская дружба!»

«Свою корреспонденцию хочется закончить дословным переводом одного из приватных посланий простых людей Шанхая:

«По-весеннему буйно распустились деревья, расцвели цветы, опустился дождь и люди вышли на улицы. Гул голосов и гром музыки сотрясает небеса. Юные расправляют крылья, не лица стариков расправляются морщины. Заполняют дети наши: такого еще никогда не бывало на земле ваших отцов».

А. СМЕРДОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты» ШАНХАЙ, 24 апреля. (По телефону)

К. Е. Ворошилов и сопровождающие его лица посетили 9-ю текстильную фабрику компании «Шэньсян» в Шанхае.

На снимке (слева направо): товарищи Лю Шоуци и К. Е. Ворошилов в одном из цехов фабрики.

Фото А. Ступнина (Снимок принят по фототелеграфу)

СЕМЬЯ ДЕРЖИТ СОВЕТ

Виталий ЗАКРУТКИН

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

1. В пору детства я знал одну большую крестьянскую семью.

Семья эта жила по соседству с нами, на краю деревни, в просторном, крытом камышом доме.

Вечерами, после возвращения с поля, я любил посидеть на соседской заливке, перекинувшись словом с друзьями-одноклассниками и послушать неторопливый, степенный разговор взрослых.

Присядь, бывало, к соседям, уместиться где-нибудь под акацией, и слушаешь. Прямо перед тобой, распростирая в сумеречной тишине пахучую горечь дымка, угасает сложенный из камня дворовой очаг.

Возле очага щелчет водой, постукивает мисками и дождями молодуха-невестка; младшая невестка, недавно вятая в дом, возится на базу с коровой.

Появляясь темным пятком старуха-хозяйка уже устроилась поближе к освещенному лампой окну, и в ее смуглых руках, быстро и ровно вертеж, мелькает веретено.

Утомленные мужики, — в доме их было пятеро, — сидят на завалинке, на низкой скамье и прямо на земле на короточках, посверкивая огоньками цигарок, ведут разговор.

Озимую ныне посею в Солонцовой балке, — раздумчиво скажет старик-хозяин, — она по пару куда как пойдет.

Это еще какая весна будет, — отзовется из темноты старший сын, — а то, гляди, задохнет и смеет нашу озимку.

Вспашем вдоль балки: ничего, не смеет, — осторожно возражает младший сын.

Невестка прислушивается, шагает поближе от очага, промолвит негромко: — Вчерась я встретила агронома. Он говорит, что по науке весна на тот год будет сухой.

Старик одобрительно тряхнет головой: — Вот и у меня такая думка. По всему видно, дожди будут поздние. Значит, озимку можно сеять в балке...

Дружная эта была семья, на редкость работящая, спокойная. И хотя при отцовской семье жили два неотделенных сына с женами и детьми, никто не слышал тут ни свар, ни тайком сказанного злого слова, не замечал даже тени обиды или недовольства.

В деревне в ту пору всяко бывало. Колхозы в уезде только-только зарождались, мужики жили хозяйством каждый на своей земельной норме. И я помню, дня такого не было, чтоб то на одном, то на другом краю деревни не вспыхнула ссора или драка.

Причем, надо сказать, ругались и дрались без различия степеней родства: там отец отдует тяжелым косяем женатого сына за то, что тот приехал к своему участку часть отцовского поля; там за коня или за телку подерутся родные братья; у тех чего-то не поделят сверхов с невесткой или зять с тестем.

Ничего подобного даже в помине не было в большой семье наших соседей. Тут взрослые и дети любили друг друга, уважали, жалели. Работали они дружно, все сообща, весело и радостно.

А хозяйство свое вели умно, рачительно, советуясь по каждому делу: где что посеять, сколько зерна оставить на семена, а сколько продать на базаре, кому купить обновки, чтобы никто не был обижен.

Мне не раз доводилось видеть, как соседская семья работает в поле. Вся дерев-

ня любовалась этой семьей: на пахоте ли, на сенокосе или жатве вся семья трудилась, как один человек, и каждый из них знал, что общий труд принесет обильные плоды ему и всем другим.

Сейчас мне вспоминается эта дружная, добрая, крепкая семья...

2. 30 марта Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР опубликовали тезисы доклада тов. Н. С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленными предприятиями и строительством».

Тезисы эти опубликованы для всенародного обсуждения важнейших вопросов, «чтобы на основе широкого обмена мнениями, всестороннего учета имеющегося у нас опыта выработать наиболее целесообразные формы управления народным хозяйством страны».

Именно в этом массовом всенародном обсуждении важных для всей страны вопросов ясно видно коренное отличие советского социалистического строя от строя капиталистического. Мы все участвуем в общественной жизни огромного государства, и каждому дано неотъемлемое право по-хозяйски подать свой голос при решении самых важных дел, высказать свое мнение, поспорить, выдвинуть свои новые предложения.

Сейчас большая дружная семья народов СССР держит совет о том, каким должен быть завтрашний день нашего общего хозяйства, как лучше им руководить, как устранить недостатки и наиболее полно использовать наши неисчислимые резервы.

В обсуждении этого вопроса принимаю участие шахтеры и металлурги, экономисты и техники, рядовые рабочие и академики, партийные работники и директора-хозяйственники — весь советский народ.

Люди выступают в печати со статьями и предложениями, полемизируют друг с другом, дополняют тезисы доклада Н. С. Хрущева отдельными замечаниями и репликами с мест. Нет у нас сейчас ни одной фабрики, ни одного шахты, ни одного завода, института или совхоза, ни одного учреждения, треста или министерства, где люди не говорили бы о новых формах управления народным хозяйством, не спорили бы страстно и горячо.

Недавно мне пришлось разговаривать с одним председателем колхоза — тридцатипятилетним. Собеседник мой куда-то работал секретарем сельского райкома партии, много в жизни видел, имел немалый опыт коммуниста-организатора. Как все другие, он внимательно, с карандашом в руках проштудировал тезисы доклада и сейчас говорил:

— Правильные тезисы, хорошие, нужные. А меня, по правде сказать, беспокоит вопрос о тракторах.

— О каких тракторах? — спросил я.

— О колесных и гусеничных, — пояснил председатель. — Конечно, колесные тракторы гораздо экономичнее и дешевле. А вот насчет того, какой процент они должны занимать в тракторном парке страны, — это требует уточнения. У нас, например, на Дону, особенно на займищ-

Среди вражды слепой и многоголовой За мир народов поднимая клич, Несешь ты знамя партии великой, Которое вручил тебе Ильич.

Я видел, как исполнились надежды, Всюду о том неустанно я думаю: Как бы творил он?

Славой ее увлечен, Всюду о том неустанно я думаю: Как бы творил он?

Взглядом окинув народ созидающий, Братство советских племен, Горд я от мысли, всех нас окрыляющей:

Нас бы одобрил он.

3. Державу правды, Край социализма! Вокруг тебя противоречий вихрь. А ты, несокрушимая Отчизна, Шагаша для свершений мировых.

Бессилин, но надменен и спесив. Я видел всюду тыщи героев, Возникновенье нового ведре, Как, славу старой гвардии утроив, Мужали люди в битвах и труде, Как закаляли разум свой и силу, И словом в сказке, зрели и росли, И всем народом к ленинской могиле принесли.

Мы стали все его учениками, Людьями великих ленинских идей: Винтовкой, словом, крепкими руками

Свободу добывая для людей, Мы не жалеем сил в сраженьях этих, Мы, подпирая юный мир плечом, Его, его, его, его, его родные дети, Рожденные для счастья Ильичем. Авторизованный перевод с украинского Николая ПАНОВА

Савва ГОЛОВАНОВСКИЙ

Слово о Ленине

1. Но самый любимый — где неские воды, Где ночи белы и прохладен апрель, Там цитадель пролетарской свободы, Там революции колыбель — Цветет каждый год она, Растет каждый день она.

Этот Город Ленина.

Есть множество стран, и земель, и племен, Над каждой страной — колыханье знамен.

Но только священное красное знамя Шумит провозвестником радостных лет, Оно, как крылатое пламя,

Как зарево битв и побед. Сердца им овеяны, Земля им созвонена: Это Знамя Ленина.

Есть ясные чувства в сердце каждом — К людям любовь и к жизни жажда. И еще есть одна величайшая сила, Ей много лет, но она молода, Сердца наши властно она захватила.

Ласки нежней, Но, как сталь, тверда, Она не знает ни смерти, ни тленья, — Любовь, Которой мы любим Ленина.

2. Что б ни сказал, неотступно я верую В этот единый закон — Слово измерь неизменной мерою:

Как много во всех городах площадей — В сиянии солнца и в блеске дождей, И улиц, где бронза, и клумбы, и арки, Но сердцу всего дороже одна — Лишь солнцем она разукрашена ярко И первой росой умыта она.

Вся в щебете птичьем, Вся листьями вспенена — Это Улицы Ленина.

Есть в мире тысячи городов — Огромных и маленьких — разных родов.

Но только священное красное знамя Шумит провозвестником радостных лет, Оно, как крылатое пламя,

Защитникам города Ленина

В Ленинграде, у Братских могил на Серафимовском кладбище, будет установлен монументальный памятник, посвященный участию в героической обороне города в дни войны.

Работа над проектом началась несколько лет назад, — сказал автор проекта архитектор Я. Лукин.

Представьте обширную площадку. Среди зелени высится гранитная стена. Перед ней — пять скульптур, каждая высотой около четырех метров.

Сейчас заканчивается изготовление скульптур в натуральную величину. Над этим трудится группа воспитанников Высшего художественно-промышленного училища имени В. Мухоморова (руководитель П. Таурит).

Установку памятника предполагается осуществить в сорокалетие Великой Октябрьской социалистической революции.

На снимке: скульптурная фигура матроса.

Фото В. Коломенцова

ПИСАТЕЛЬ, ПУТЕШЕСТВЕННИК, ВОСПИТАТЕЛЬ

Сегодня исполняется 50 лет со дня рождения известного украинского писателя Николая Петровича Трубуляки, погибшего смертью храбрых в 1941 году.

Как писатель, Н. Трубуляки целиком принадлежал детям. Центральная тема его творчества — Арктика.

Творческий путь Николая Трубуляки длился недолго, всего десять лет, но созданные им книги, особенно приключенческие повести «Шхуна «Колумб» и «Лактак», пользуются большой любовью.

СЕМЬЯ ДЕРЖИТ СОВЕТ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

кохозаи и совхозаи известную межу, мешают высадить тесную связь всех труженников сельского хозяйства.

«Советское хозяйство, — говорил Ленин, — ставит своей задачей постепенно научить сельское население самостоятельно выработать новый порядок, порядок общего труда».

Нет слов, за время своего существования совхозы многому научили сельское население, были образцом для тысяч и тысяч колхозов.

Кстати, о специалистах. Тут у нас еще очень много недостатков. Сельские школы, техникумы, даже специальные сельскохозяйственные учебные заведения все еще очень слабо связаны с повседневной работой колхозов и совхозов.

Как в технические, так и в сельскохозяйственные вузы у нас часто поступает прямо со школьной скамьи зеленая молодежь, не знакомая ни с заводом, ни с колхозом.

Или взять, например, важный вопрос распределения молодых агрономов-специалистов, только что закончивших вузы.

Очевидно, специфика определенной сельскохозяйственной зоны обязательно должна учитываться при распределении молодых специалистов.

Станица Кочетовская — одна из старейших и красивейших станиц на Дону. Расположена она на большом острове, омываемом тремя реками: Доном, Северным Доном и Сухим Доном.

Кочетовские земли входят в обширную зону самого простоянного доносского виноградарства, вытянутого от Цимлянского моря до станицы Аксайской.

Почему же так произошло? Потому что кочетовские земледельцы все время подталкивали не к виноградарству, а к зерновому хозяйству.

Ровно десять лет тому назад кочетовцы послали в область письмо с коллективной просьбой: изменить им хозяйственный профиль, дать возможность заниматься виноградарством.

— Мы не можем пойти на сокращение площади колосовых.

— Но ведь на этой площади ничего нет, — доказывали кочетовцы. — Там от колосовых остаются рожки да ножки.

Такая разумная просьба кочетовских хлеборобов осталась гласом вопиющего в пустыне. Один из самых амбициозных, самых урожайных уголков Дона, самой природой приспособленный для виноградарства, угол, который мог стать золотым дном, из-за невнимания к местной инициативе чуждился в разряде среднеуспевающих.

Сейчас, через десять лет, вдохновленные решениями ХХ партсъезда и решениями партии и правительства по сельскому хозяйству, кочетовцы вновь обратились с просьбой преобразовать Кочетовское отделение Семикаракорского зернового совхоза (от которого Кочетовская отрезана рекой Доном) в самостоятельный виноградарский совхоз.

Дружная семья советских народов, помогая партии и правительству решать важные вопросы развития социалистического народного хозяйства, держит сейчас общий совет: как поднять хозяйство на еще более высокую ступень, как наиболее полно использовать неисчислимые ресурсы родной страны, как найти наилучшие формы руководства хозяйством, чтобы развернуться во всю силу, во все распах.

Пусть же будет больше этих голосов, пусть звучат они громче и громче на пользу всей нашей родной земли.

СТАНИЦА КОЧЕТОВСКАЯ, Ростовская область

«Привлечь массы к созданию истории Октября»

Нельзя без волнения читать почту, поступающую в редакцию «Литературной газеты» в связи с опубликованием письма Г. И. Петровского, Е. Д. Стасовой, П. И. Воинова, М. Л. Сулимовой, С. И. Петриковского и других старейших коммунистов.

Благородная инициатива старых большевиков находит все более и более активную поддержку. Откройте комплексы свежих газет и журналов.

Состоялось совещание старых большевиков-самарцев, живущих сейчас в Москве. Тамбовский горком КПСС организовал встречу ветеранов революционных событий.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС готовит к сорокалетию ряд сборников документальных материалов. Среди них — «Протоколы ЦК РСДРП(б) 1917—1918 гг.».

Одна из другой выходит в свет книга, подготовленная издательствами в исторической дате — сорокалетию Советской власти.

Разумеется, это только начало напряженной и плодотворной работы. Подготовка ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» намечает большую, всестороннюю программу встреч всенародного праздника.

То уж много. И понятно, почему вызывает недоумение читателя позиция неумолимых «толстых» журналов.

Между тем сейчас меньше всего приходится жаловаться на недостаток материалов, на отсутствие интересных авторов.

В последние годы издавались журналы «Пролетарская революция» и «Красная летопись», которые публиковали воспоминания участников Октябрьских боев и гражданской войны.

Но важной работой по освещению исторических событий можно считать достаточно широкий круг статей, когда будет создан специальный журнал.

Среди писем, рассуждающих об этих славных патриотических страницах истории нашей страны, — письмо Г. Осипова из Иваново. Он предлагает «издать фотобиографии с кратким описанием жизни и деятельности всех тех товарищей из Ленинской гвардии, которые погибли в борьбе за великое и светлое дело».

«Советские и партийные органы должны позаботиться о том, чтобы обеспечить издание специальных сборников в крупных промышленных городах, посвященных истории Октябрьской революции и гражданской войны».

Многие предложения, как высказанные в печати, так и содержащиеся в читательской почте, уже проводятся в жизнь.

Неотложное дело

Писательская общественность неоднократно выражала требование, чтобы правление Союза писателей СССР и его печатные органы больше уделяли внимания литературе, посвященной героическому прошлому нашего народа и Коммунистической партии.

По этому вопросу было направлено письмо группы писателей секретариату Союза писателей СССР 30 января 1955 года.

5 января 1957 года в «Литературной газете» было напечатано письмо группы старых большевиков, в котором подчеркивалась необходимость скорейшего решения вопроса о правдивом художественном освещении событий Октябрьской революции и гражданской войны.

Однако и по настоящей день никаких решений по этому делу руководство Союза писателей СССР не приняло, и работа по подготовке к 40-летию Октября носит неограниченный характер.

ЦК КПСС в приветствии Второму съезду писателей указывало, что «мало создано за последнее время ярких и художественно выразительных образов, которые служили бы вдохновляющим примером для миллионов читателей».

Следует также создать ежемесячный журнал, в котором бы героическое прошлое нашего народа и нашей партии освещалось средствами художественного слова.

Нельзя откладывать проведение этих мероприятий, ибо с каждым годом все меньше остается живых участников великих событий нашего героического прошлого.

П. ВЛЯХИН, В. ВАХМЕТЬЕВ, И. КРЕМЛЕВ, С. ГОЛУБОВ, В. ЛАВРЕНЕВ, Ю. ЛИБЕДИН, К. И. РАВИЧ, В. КИРПОТИН, Л. НИКУЛИН.

ведут большую работу по учету всех ветеранов революции, собирают и рецензируют воспоминания, налаживают связь с книжными издательствами и редакциями газет и журналов.

Многие центральные и областные издательства планируют в этом году выпуск сборников и монографий, авторами которых являются участники великих революционных событий.

Начало благородной работы положено. Почин старейших большевиков должен найти самую горячую, самую широкую поддержку делом всех писательских организаций, всех литературно-художественных издательств и журналов.

Очерк — это публицистика!

Публицистика — понятие очень широкое. Статья — отклик на события, статья пропагандистская, запись путевых встреч, воспоминания, портрет интересного человека, обобщающая корреспонденция в газете, авторские рассуждения о жизни и, наконец, очерк — все это может быть публицистикой.

Мы хотим поговорить об очерке как публицистическом жанре на примере очерков, напечатанных в четырех номерах журнала «Дружба народов» за этот год.

Политическое освещение, обобщение фактов с точки зрения их политического смысла — вот в нем суть очерка как жанра публицистики. Суть очерка не меняется от того, будет ли он просто публицистическим или художественно-публицистическим.

«Очерк — это публицистика» говорит о проблеме жизни в прямой форме. У каждого вида свои преимущества. А самое лучшее, когда они соседствуют, когда публицистика разнообразна...

До недавних пор «Дружба народов» — этот важный литературно-художественный и общественно-политический журнал, в разделе публицистики очень часто обходился «корреспонденциями» и «репортажами», в которых не было «политического освещения» фактов, пропагандистскими статьями, где вместо живой партийной самостоятельной мысли автора предлагалась сухая пересказ общезвестных положений, обходился, наконец, очерками, где не было ни настоящей публицистики, ни настоящей художественности.

В номере втором напечатан художественный очерк И. Антонова «На перутье». Сам очерк, удачный и содержательный, по своей проблематике не очень нов. Главная идея очерка волнует потому, что живет в жизни. Да, надо учиться руководить, не администрируя, умело поддерживать полезную местную инициативу.

С большим удовольствием знакомимся мы в четвертом номере журнала с «Джурой, бригадиром хлопкоробов» (так назвал свой очерк таджикский писатель Агзам Сидки).

Достоинств у них много. Прежде всего их не скучно читать. Очерки не претендуют на создание художественных типов людей, но в них много «художественного», если под ним понимать то, что понимает БСЭ, — элементы, «сочетающиеся» с публицистическими, т. е. эмоциональные, живость стиля, краткие выразительные характеристики людей, интересные детали.

Остановимся теперь на очерках «просто» публицистических. В прошлом году журнал напечатал несколько острейших очерков, касающихся серьезных проблем народного хозяйства, острейших потому, что в них говорилось о реальной борьбе, реальных противоречиях жизни.

кто может помочь, а кто помешать правильно разрешению этих противоречий. Продолжая эту линию своей очерковой публицистики, журнал напечатал в номере втором очерк И. Зверева «Нападный уголь», а в номере третьем — И. Белова «Новое в Донбассе» — произведения настоящей, вдумчивой публицистики.

Главное — в глубине и смелости «политического освещения» фактов, деталей и цифр. И. Белов подробно, дотошно анализирует причины, почему шахта имени Челюскинцев, большая и в какой-то мере типичная шахта Донбасса, долгое время считалась добычей, которую «не надо трогать», «не надо трогать», «не надо трогать».

Живое описание своеобразных человеческих судеб, характерные портреты людей — и правдивые и неправдивые, и энтузиастов и зашатавшихся и стойких и малодушных, и энергичных и нераздельных — все это хорошие особенности очерков И. Зверева и И. Белова.

об угле или силосе, нет ли здесь опять перегиб в сторону «станни вместо людей»? Нет, сейчас, как никогда, нужно развлекать, поддерживать такую литературу и публицистику — болевую, интуитивную, активно вмешивающуюся в проблемы жизни, в частности разглядывающую общее, и, на наш взгляд, сейчас особенно бесполозыми будут выглядеть очерки и статьи, не выходящие из фактов хозяйственного строительства их политического смысла.

Вот такого подхода к «политическому освещению» фактов очерк Дм. Рыженко «Будни таежной стройки» («Дружба народов», № 1, 1957 г.). Здесь тоже есть и цифры, и выразительные любовные сцены. Но автор видит свою задачу в том, чтобы «запечатлеть свои непосредственные впечатления и наблюдения над буднями стройки». Такая позиция предопределяет малосодержательность, бесплодность очерка. Дм. Рыженко пишет, например: «На стройке есть еще руководители, которые считают себя завоинными, отвечают на волнующие их вопросы». Нет правды ли, как остро? Но все это лишь констатация, а не углубление, не поиск причин. Кто они, эти плохие руководители? Бюрократы? Или просто затупевшие в те кучку люди, затупевшие настолько, что им в обихитие и пойти некогда? Но тогда — чем они заняты, что в их деятельности полезного и неправильного? И шире — какие закономерности современной жизни движут и положительными, и отрицательными героями очерка? Нет ответа.

Зато в очерке есть много нужного. С одинаковым усердием заносит автор в блокнот и разговоры рабочих о производстве, обрываясь, кстати, на самом интересном месте, и любовную историю скромного парня Василия Брилева, и вечер художественной самодеятельности, и легенду об Ангаре и Енисее, и трудности жилищного строительства, и трудности жилищного строительства рабочих. Не связывая изображение людей с какой-то основной темой, с общей задачей, очеркист теряет способность проанализировать живые, полные слова о людях и начинать излагать тягучие «производственные» характеристики или словно ширяет выдержки из какой-нибудь резолюции, из ее «констатирующей части»: «На строительстве создан дружный и крепкий коллектив, построены жилища, культурно-бытовые учреждения — стадион, клуб, баня, магазины и столовые. Однако многое еще осталось несделанным, много времени расстрачено попусту».

Нет, это не публицистика, никакая не публицистика — ни художественная, ни просто. Очень хотелось, чтобы публицистика в «Дружбе народов» в дальнейшем укрепила связь с «традициями» очерков И. Белова и И. Зверева, а не Дм. Рыженко.

Одно замечание в заключение. Надо, чтобы писатели в республике все-таки слабовато привлекались к разделам публицистики «Дружбы народов». Мы начали статью с цитирования БСЭ, что такое публицистика. Протираем теперь другое авторитетное издание — «Полный словарь русского языка». Там слово «публицистика» разъясняется так: «1. Литература по общественно-политическим вопросам... 2. Жанр, стиль, характерные особенности такой литературы... 3. Писательская деятельность по общественно-политическим вопросам...»

Отдель публицистика журналов должна охватить все эти три толкования.

Ю. СУРОВЦЕВ

Наша Уланова

Каждый раз, когда я встаю за дирижерский пульт на спектакле, в котором танцует Галина Уланова, я с волнением думаю о той огромной силе воздействия, которой обладает ее искусство. Каждое па на танца Улановой исполнено смысла и чувства, а ее совершенная техника — лишь средство выражения огромной идеи, которая всегда ясно зрительно, всегда захватывает его.

Танец Улановой описать невозможно, как нельзя описать гениальную музыку или бессмертные стихи. Но можно и должно говорить о развитии дарования Улановой.

Не случайно подчеркиваю я слово «развитие». Может быть именно в нем — наиболее точная характеристика творчества Улановой. Оно, действительно, находится в непрерывном развитии: не было ни одного представления «Ромео и Джульетты», «Золушки», «Медного всадника», «Бахчисарайского фонтана», «Кизилея», когда бы Уланова в точности повторила предыдущий спектакль. И более того: она всегда выходит на сцену духовно богаче, чем в прошлый раз; она всегда находит, от чего отказать во имя большего лаконизма образа, и всегда приносит в него нечто новое, что помогает ей сегодня, сейчас,сию минуту быть наиболее достоверной, когда бы то ни было; так убеждаемся мы в том, что нет предела совершенству.

Тот, кто видел ежедневный класс Улановой, знает, с каким упорством, дисциплиной, отрешенностью от всего внешнего работает она над каждым движением. Уланова всегда помнит о своих профессиональных обязанностях, она всегда была и есть человек долга, для которого нет ничего выше, чем требования дела. Ее собранность, «выключенность» из окружающего мира сохраняются и углубляются на репетициях и в какой-то невиданной прогрессии возрастают в спектакле так, что к его началу уже нет Улановой-актрисы, а есть жизнь той, которую она творит сегодня своим танцем.

Когда в феврале 1935 года Уланова впервые выступила на сцене Большого театра, нас больше всего поразило ее полное елиание с музыкой, ее умение сделать мелодию зримой и завершающей, оживляющей перед нами видения самого Чайковского в дни создания «Лебединого озера».

Молодая девушка, очень скромная, даже застенчивая, очень просто одетая, светловолосая и светлоглазая, пришедшая на первую репетицию, казалась такой неуверенной. И вдруг она совершенно преобразилась: не только волшебная птица, парящая в недостижимой вышине музыки и поэзии сказки, но живое и прекрасное человеческое чувство любви, веры, верности обрекло плоть в танце, бесцельном и убедительном, как чудо и реальность. Не только «свето» женственное», я бы сказала, «свето» девическое» начало жило в этом образе Лебедя, но и коварство, и неотрази-

мое объяснение, и сверхающий, стремительный, полный экспрессии танец Одиллии показал нам, кто перед нами.

А надо вам сказать, что артисты оркестра — народ очень требовательный и, говорят, даже придирчивый. Но уж если их что-нибудь потрясает и покораит, значит это по-настоящему хорошо. В первую же встречу Уланова была признана не только артисткой оркестра, но всем балетом Большого театра, всем московскими. И если бы понадобилось наиболее кратко и выразительно раскрыть тогдашнее наше восприятие искусства Улановой, то следовало бы, наверно, воспользоваться словами Гете: «...Она всей душой, всем сердцем в танце. Вся ее фигура — гармония; она держится так беззаботно, так свободно, точно это для нее все, точно больше она ни о чем не думает, ничего не чувствует, и, конечно, в эту минуту все остальное исчезает для нее».

Не правда ли, трудно себе представить, что автор романа «Страдания молодого Вертера», говоря об идеале танца, писал не об Улановой?

Мне вышла радость дирижировать всеми спектаклями Большого театра, где танцевала великая балерина. У меня на глазах происходило формирование образов сказочной Золушки и призрачной Жиселы, такой реальной, земной и все-таки необыкновенно одухотворенной Катерины, нежной и героичной Тао Хоа, истинно пушкинских Марии и Параша, истинно шекинской Жулдытты... Всегда и везде балерина была новой. Всегда и во всем она была Улановой: изысканной и простой, возвышенной и исполненной чувства.

Примечательно, что даже ее концертные номера — эти крохотные по времени и огромные по мысли шедевры — оазисы всей той же великой человечности, которая свойственна и улановским образам больших спектаклей. Когда она танцует Рахманинова, Шопена или Сен-Санса, Шумана или Листа на эстраде, пред зрителем, так же как на сцене, проходят вечные темы, великие страсти человеческой жизни и смерти. Так трехминутный номер оказывается необыкновенно содержательным, насыщенным и глубоким, способным возушеить зрителя, вдохнуть композитора на создание новой музыки, поэт — на создание новых стихов.

Когда Уланова была в Китае, знаменитый Ай Цинг именно в стихах воссоздал неповторимо поэтичную картину творчества Улановой:

Нежна, как облако,
Легка, как ветер,
Светлея, чем месяц,
Спокойней, чем ночь,
Плывет по воздуху ее тело.
Это — не фех небесная,
Это — не земная богиня, —

Прекраснее, чем сон,
Трогательнее мечты, —
Это жемчужина трудового творчества...

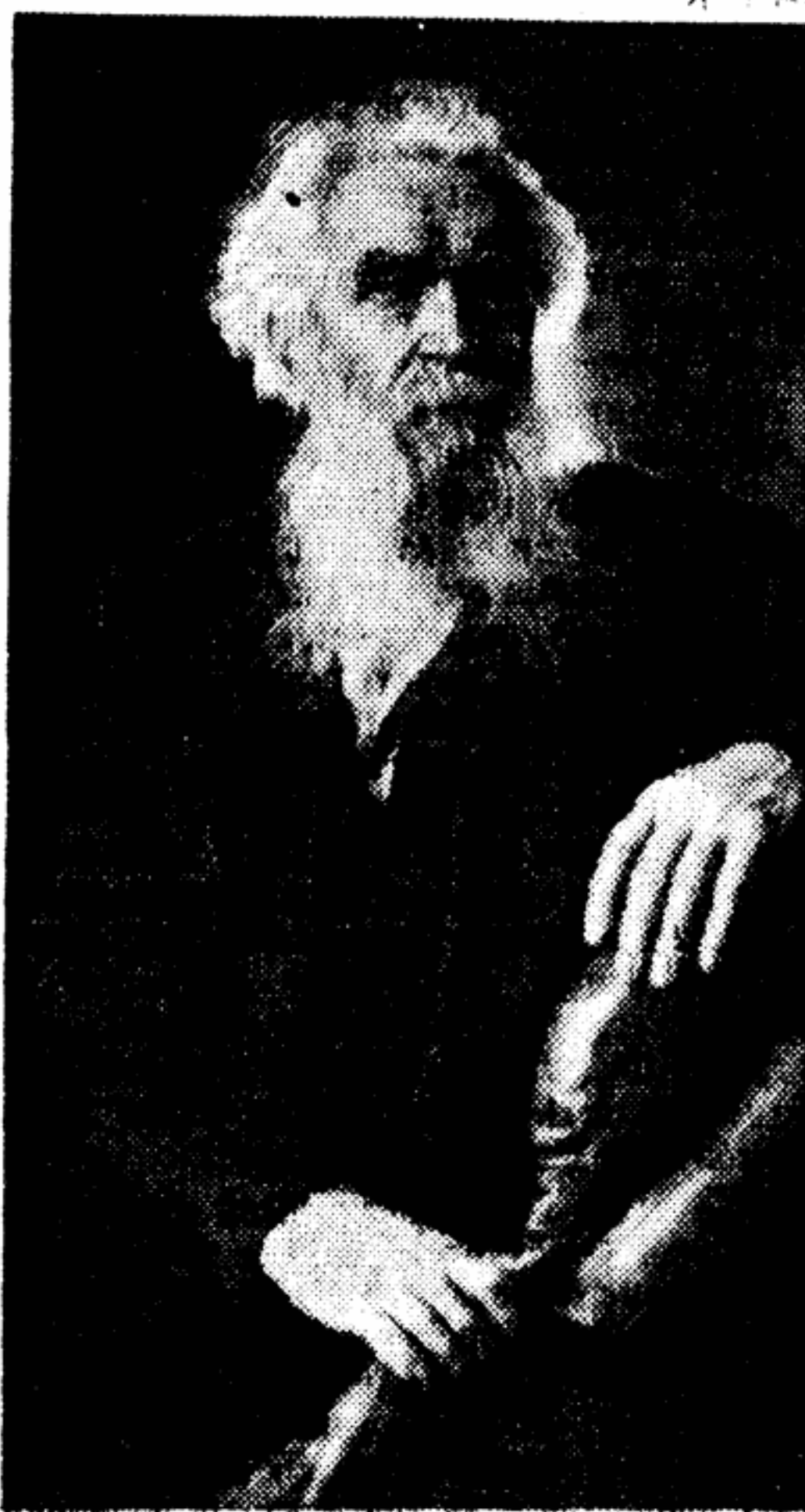
Целомудренное и возвышенное искусство Улановой известно во всем мире как высшее достижение современной художественной жизни. Творчество русской советской балерины понято и дорого огромному числу людей именно потому, что его отличают лучшие черты советского искусства — любовь к человеку, его прославление, его поэтизация.

Лондон, видевший триумфы Анны Павловы, воспринял Уланову, как чудо. Ее успех, как говорили сами англичане, не имел ничего равного в прошлом. А сама Уланова считает, что «мы сделали все, что могли, но должны в дальнейшем сделать гораздо больше». Так примерно можно сформулировать точку зрения Галины Сергеевны Улановой на настоящее и будущее советской хореографии.

Но как бы ни были справедливы требования Улановой, как бы высоки ни были критерии, которыми она пользуется при оценке явлений искусства, мы не можем не знать, что ее собственное творчество сегодня — образец совершенства.

Сотни и тысячи людей, созерцающих танец Улановой, трепещут и радуются вышней, просветленной радости приближения к Красоте. Наверное, поэтому, глядя на танец Улановой или даже только думая о нем, человек вспоминает все самое светлое и дорогое из того, что дала ему жизнь. И за это мы — зрители, мы — товарищи по искусству, мы — друзья по театру, благодарим Галину Сергеевну Уланову, столь справедливо, столь заслуженно награжденную премией имени Ленина, великой наградой народа, которому она отдает все свое творчество.

Ю. ФАИЕР
народный артист СССР

Неугасаемый огонь творчества

ляют, в сущности, варианты, иди, говоря иначе, разработку одного и того же мотива — прекрасного, но скважного в своих движениях человеческого тела.

И как знаменательно, что в эскизах карикати, выполненных уже после Октябрьской революции для первой Сельскохозяйственной выставки, этот мотив сменяется торжественным мотивом победы.

В тесной близости с этими произведениями стоят и многие другие работы. Мысль о свободном, прекрасном человеке, несомненно, вдохновляла Коненкова и тогда, когда была задумана «Нике», и тогда, когда он создавал свою «Девушку» с поднятыми руками, и «Девушку в венке», и статую, в которой перед нами предстал целомудренный образ юности.

Художественное мастерство Коненкова в этих облаченных фигурах достигает большого совершенства. Нас покораит в них чувство красоты и пластической выразительности человеческого тела.

Нельзя не заметить в связи с этим, что некоторые наши скульпторы считают декоративную скульптуру искусством, так сказать, облаченным, не требующим особых усилий мысли.

Значение работ Коненкова для нашей художественной практики состоит в том, что они показывают, какими могут, какими должны быть произведения декоративной скульптуры.

Несмотря на то, что почти все вещи Коненкова сделаны в твердых скульптурных материалах, в них почти не ощущается приложенных усилий. В них есть та свобода исполнения, тот артистизм, которым всегда отличаются подлинное произведение искусства.

Особое достоинство этих портретов следует видеть в их историчности. Трагедия Сократа — настоящая человеческая трагедия и вместе с тем трагедия его времени. В Белонинне воплощена другая эпоха, тип народного героя наших дней.

В стремлении к широте образа, в зническом чувстве темы можно видеть важную предпосылку успеха той большой новой работы, которую Коненков выполнил для института геохимии в Москве и для Петрозаводского театра.

Работу для Петрозаводского театра Коненков делал с огромным увлечением. Когда на вечеру встречи с молодыми скульпторами ему был задан вопрос: «Что вы считаете лучшим из своих произведений?» — он на секунду задумался и сказал так: «Ответить на этот вопрос трудно, но до некоторой степени можно. Я считаю самой интересной работой для Петрозаводского театра... Как это характерно для Коненкова — считать лучшей ту работу, которую он в данный момент выполняет».

А между тем в голове скульптора теснились уже новые замыслы. В последнее время Коненков работает очень быстро и очень плодотворно. Он просто поражает обилием вещей, среди которых такие работы, как «Миру — мир», «Колхозница», «Утро», «Проект памятника Ж. Н. Толстому» и, наконец, одно из самых значительных его произведений, ныне удостоенное Ленинской премии — «Автопортрет». Глубокий смысл этой работы, как всегда у Коненкова, шире собственно портретной задачи. Облик скульптора в нашем представлении неразрывно связан с его творчеством. В «Автопортрете» Коненкову удалось изобразить себя танцем, каким мы видим его сегодня, — человеком, для которого искусство есть дело жизни и сердце которого знает «одной лишь думы» — «одну — но пламенную страсть».

Страсть эта, этот неугасаемый огонь творчества в последние годы горит в глазах Коненкова особенно ярко.

Марк НЕЙМАН

СУЩЕСТВУЕТ легенда, известная любому грамотному человеку: когда великий итальянский ученый Галилей, доказавший правильность гипотезы Коперника о вращении земли вокруг солнца, предстал перед судом инквизиции и, сложенный пыткой, отрезал от своего еретического учения, он якобы в следующую минуту, собрав последние силы, воскликнул: «А все-таки она вертится!»

Легенда эта исторически — увы! — несостоятельна. Галилей не подвергался пыткам, приписываемых ему дерзновенных слов не провозгласил и вообще после акта отречения покорился церкви.

В течение столетий легенда о Галилее передавалась из поколения в поколение, вдохновляла поэтов, ученых и революционеров. В образе этого человека слились воедино непреклонность Прометея и пылкость Фауста. В нем воплотились народное представление о могучем и смелом подвижнике научной мысли, сознанием необходимости открытий им истины, и народная вера в будущее, в торжество разума над грубым насилием и невежеством. В этом и заключается философская и поэтическая правда легенды о Галилее, прочная, устойчивая правда, способная выдержать столкновения с любыми противоречащими ей фактами, добытыми в ходе добросовестных исторических изысканий.

Но вот известный немецкий писатель Бертольд Брехт написал пьесу о Галилее, в которой знаменитые слова — а все-таки она вертится! — не произносятся. Пьеса Брехта, разумеется, не зачеркивает правду и смысл легенды, освещая вековой традицией. Но в образе своего героя, несомненно более близком исторически подлинному Галилею, Брехт сумел раскрыть другую, не менее глубокоую, не менее волнующую и поучительную правду.

Печатному изданию своей пьесы Брехт предпослал следующую заметку: «Драма «Жизнь Галилея» была написана в эмиграции в Дании в 1938—1939 гг. Газеты опубликовали сообщение о расщеплении атома урана, произведенном немецкими физиками».

Не случайно перед лицом великой революции в науке та же сила, та же сила возмущения и страстные разрушительные возможности, писатель, охваченный тревогой за человечество (случай шесть лет взрыв над Хирозимой подтвердил законность этой тревоги), обратился к вопросу об общественном поведении ученого. И хотя герой пьесы — Галилей, а скажем, не современный западный ученый, и действие происходит не в наши дни, а в эпоху Возрождения, также эпоху великих социальных и научных движений, и, наконец, в пьесе нет ни малейшей модернизации и попытки подменить Италию начала XVII века исторически костюмированной современной — все же читатель и зритель обязательно увидят в конфликте Галилея с верховной властью поразительное сходство с моральными проблемами, возникающими перед современными учеными капиталистического мира. Ибо пьеса Брехта заставит задуматься над вопросами о долге и ответственности ученого перед человечеством, о полезном употреблении и опасном злоупотреблении плодами «чистой мысли», о взаимной связи интеллектуального и морального начал в науке, об общественном гражданском лице ученого.

Недавно в театре «Берлинский ансамбль» в обстановке необычайного интереса со стороны мировой театральной общественности, при стечении множества иностранных гостей, состоялась премьера пьесы Брехта.

Раннее утро, час, когда тело, а вместе с ним и мысль человеческая пробуждаются от ночного оцепенения. Радусь наступающему дню, боюсь выполнить Галилей несложный утрениный обряд. Обнаживается суровым полотенцем и одновременно с не меньшим удовольствием читает маленького Андреа популярную лекцию о гелиоцентрической системе мира. Он жадно пьет молоко и столь же жадно вливается в лежачую перед ним книгу. Он совершает ряд обыденных действий, но совершает их так, что перед зрителем возникает образ человека, для которого процесс жизни есть бесконечная цепь наслаждений, и в эту цепь наряду с плотскими радостями на равных правах включены и радости познания, ибо «мыслить — это одно из величайших наслаждений человеческого рода».

Галилей — человек Возрождения, его плоть и дух освободились от властных средневекового аскетизма, он по-яически влюблен в земную жизнь и несбыточно стремится постичь уже не через священные тексты, а через телескоп. Но вскоре зритель начинает замечать обратную сторону жизнелюбия Галилея. Янтарь для него тождественна радости, и моральный закон, гласящий, что во имя жизни нужно иногда уметь поступаться радостями, что долг выше удовольствия, с его точки зрения абсурден. Он и процесс познания любит как источник наслаждений, но не страдания, он готов быть любимицом науки, но не желает быть ее мучеником, как Джордано Бруно. Это прекрасно понимают враги Галилея. Кардинал-инквизитор знает, что добиться от него отречения будет нетрудно: «Он человек плоти. Он немедленно уступит». И папа на это отвечает: «Он и мыслит наслаждением. Он не может отвергнуть ни старое вино, ни новую мысль». Так сильные стороны Галилея становятся его слабостями, и его чрезвычайное, любовь к комфорту оборачиваются уже не «пантеогнолизмом», а оппортунизмом, пресмыкательством перед властью иными и, в конечном счете, предательством.

Грехопадение Галилея происходит постепенно, медленно, но не неожиданно. По отношению к себе он обладает даром как бы пророчества от противного. Он с неподвижным отвращением, к чему впоследствии сам приходит. «Если бы я согласился молчать, то поступил бы так, несомненно, из очень низменных побуждений, чтобы жить в довольстве, не зная преследований!» — так говорит Галилей, давая отповедь маленькому монаху, призывающему его к отказу от научных исследований и публикаций. Но после того, как святейший совет объявил учение Коперника еретическим и запретил его распространять, Галилей в течение восьми лет молчит, держится в стороне от охватившего всю Европу спора о истинности солнечных пятен и поступая так лишь из тех «низменных побуждений», которые он прежде сам заклимил. Галилей изгоняет своего бывшего ученика, ренегата, выступившего с осуждением учения Коперника, гневно говоря ему: «Тот, кто не знает истины, тот просто невежда, но кто ее знает и называет ложью, преступнее. Эти слова звучат как проклятие самому Галилею 22 июня 1633 года, в день его малолетнего отречения».

«Как учение, мы не должны спрашивать себя, куда может повести истина!» — восклицает Галилей и впоследствии, возможно, сожалеет о том, что он своевременно не поставил перед собой такого вопроса. Вряд ли он поднял бы руку на племенискую систему мира, если бы с самого начала отдала себе отчет в том, на какой опасный путь он вступает, на чьи кровные интересы он поносит своим учением и какие силы он восстанавливает против себя. Но окрыленный ощущением прихода нового времени, Галилей уверен, что ему легко удастся рассеять мрак невежества и суеверий и, подвигая людей «искусственно доказательству», убедить их в своей правоте доводами разума, неопровержимыми фактами и опытами. Но происходит неожиданное: усилия врагов Галилея — во всяком случае наиболее умных — направлены вовсе не на то, чтобы его опровергнуть, а на то, чтобы заставить его замолчать, ибо они не сомневаются в правильности его учения, но справедливо считают его для себя невыгодным, они равнодушны к истине, но весьма заинтересованы в сохранении своих социальных привилегий.

Учение Галилея становится фактором жестокой классовой борьбы. Господа его преследуют, ибо оно противоречит их интересам, а они прекрасно знают, к чему ведет подрыв авторитета священного писания, которое «обосновывало необходимость поста, терпения, голода, покорности...» Зато на рыночных площадях слышат «Галилео — разрушителя — бондана». Народ переносит принцип первоначальной астрономии с неба на землю: а открытые Галилеем, который перевернул вверх тормашками всю почтенную веками иерархию мироздания, он видит сигнал к перевороту в общественной иерархии. А сам Галилей лишь постепенно — после того, как это понял народ и поняли князья, помещики и монахи — начинает понимать, что его учение является могучей революционной силой не только в сфере научной мысли, но и в области общественных отношений.

И тем более пагубно предательство со стороны человека, который всегда проповедовал народность науки и мечтал о времени, когда «об астрономии будут разговаривать на рынках». И вот, дожив до этого времени, завоевав доверие и поддержку широких масс, имея возможность превратить науку в рычаг народного благоденствия, Галилей, поддавшись своим плотским слабостям, изменил народу, науке, делу своей жизни, самому себе... Скорбно звучат слова беспощадного самоосуждения в заключительной картине спектакля, когда сложенный презренным другом и учеником, почти ослепший старик говорит: «Я отдал свои знания власть инициам, чтобы те их употребляли, или не употребляли, или злоупотребляли ими — как заблагорасудит — для своих собственных целей. Я предал свое призвание. И человека, который совершает то, что совершил я, нельзя терпеть в рядах людей науки».

И. ФРАДИН

Об ответственности перед человечеством

В начале мая на гастроли в Москву приезжает созданный Бертольтом Брехтом театр «Берлинский ансамбль». В репертуаре театра важное место занимает пьеса Б. Брехта «Жизнь Галилея», премьера которой привлекла внимание мировой общественности. Мы публикуем статью, посвященную этой пьесе.

Вопрос. Вряд ли он поднял бы руку на племенискую систему мира, если бы с самого начала отдала себе отчет в том, на какой опасный путь он вступает, на чьи кровные интересы он поносит своим учением и какие силы он восстанавливает против себя. Но окрыленный ощущением прихода нового времени, Галилей уверен, что ему легко удастся рассеять мрак невежества и суеверий и, подвигая людей «искусственно доказательству», убедить их в своей правоте доводами разума, неопровержимыми фактами и опытами. Но происходит неожиданное: усилия врагов Галилея — во всяком случае наиболее умных — направлены вовсе не на то, чтобы его опровергнуть, а на то, чтобы заставить его замолчать, ибо они не сомневаются в правильности его учения, но справедливо считают его для себя невыгодным, они равнодушны к истине, но весьма заинтересованы в сохранении своих социальных привилегий.

Учение Галилея становится фактором жестокой классовой борьбы. Господа его преследуют, ибо оно противоречит их интересам, а они прекрасно знают, к чему ведет подрыв авторитета священного писания, которое «обосновывало необходимость поста, терпения, голода, покорности...» Зато на рыночных площадях слышат «Галилео — разрушителя — бондана». Народ переносит принцип первоначальной астрономии с неба на землю: а открытые Галилеем, который перевернул вверх тормашками всю почтенную веками иерархию мироздания, он видит сигнал к перевороту в общественной иерархии. А сам Галилей лишь постепенно — после того, как это понял народ и поняли князья, помещики и монахи — начинает понимать, что его учение является могучей революционной силой не только в сфере научной мысли, но и в области общественных отношений.

И тем более пагубно предательство со стороны человека, который всегда проповедовал народность науки и мечтал о времени, когда «об астрономии будут разговаривать на рынках». И вот, дожив до этого времени, завоевав доверие и поддержку широких масс, имея возможность превратить науку в рычаг народного благоденствия, Галилей, поддавшись своим плотским слабостям, изменил народу, науке, делу своей жизни, самому себе... Скорбно звучат слова беспощадного самоосуждения в заключительной картине спектакля, когда сложенный презренным другом и учеником, почти ослепший старик говорит: «Я отдал свои знания власть инициам, чтобы те их употребляли, или не употребляли, или злоупотребляли ими — как заблагорасудит — для своих собственных целей. Я предал свое призвание. И человека, который совершает то, что совершил я, нельзя терпеть в рядах людей науки».

Брехт предвидел один из недостатков, но необязательный довод в оправдание Галилея и, считая его крайне опасным в свете моральных проблем, стоящих перед современной интеллигенцией, решительно развенчал его в своей пьесе. Об этом возможном доводе он писал и в премециях к «Жизни Галилея»: «Если бы правы были физики, которые мне говорили в тоне одобрения, что отречение Галилея, несмотря на некоторые «колебания», изображено как разумный шаг, ибо это отречение дало ему возможность продолжить научные исследования и передать их потомству, то это было бы большим пороком произведения». Несомненно так! Если бы пьеса Брехта давала в руки иному бесхарактерному и беспринципному ученому, протестировавшему свой мозг и пошедшему со своими опасными знаниями на службу к поджигателям войны, выгодные аргументы о «мудром оппортунизме», о «нажущейся» предостережении, соображая, что к существованию, «в интересах науки» и т. д., то она означала бы апокалиптическое предательство.

В заключительной картине спектакля любимый ученик Галилея Андреа Сарти готов увидеть разумный смысл во всяком поступке Галилея вплоть до акта отречения, которым было выиграно время для свершения других великих открытий. Андреа оправдывает Галилея, но сам Галилей и вместе с ним Брехт не знают ему оправдания. Его отречение не только не пошло на пользу науке, но, напротив, надолго задержало ее развитие, испугало и деморализовало многих ученых, заставило их отаиваться от исследований и публикаций. Декарт, узнав об отречении Галилея, «спрятал в сундук свой трактат о природе света», после чего он так и не был обнаружен и, видимо, безвозвратно утрачен для человечества.

Когда-то на робкий вопрос маленького монаха — «а не думаете ли вы, что истина — если это истина, выйдет наружу и без нас?» — Галилей ответил со страстью и гневом: «Нет, нет и нет! Наружу выйдет только истинная истина, сколько мы выведем. Победа разума может быть только победой разумных!» Галилей понимал, что научный прогресс невозможен

Литературный архив И. Малюткина

В Челябинске живет 85-летний рабочий пост И. Малюткин, человек, имевший личные связи с многими известными писателями, артистами, учеными нашей страны. Газета «Челябинский рабочий» опубликовала статью, рассказывающую о его литературном архиве.

В архиве И. Малюткина привлекает особое внимание его переписка с М. Горьким. В одном из писем к И. Малютину коротко ему документы об истории Ярославской фабрики М. Горький пишет: «Спасибо Вам, Иван Петрович, за Ваше интересное письмо, познакомившее меня с еще одним хорошим русским человеком. Такое знакомство — радость. Верить в человека и любоваться ростом его духа это лучшее, что дает нам жизнь. Посылаю Вам мою фотографию и книги какие есть».

Крепко жму руку.

А. Пешков.

И. Малютин также переписывался с Коллегой, Шшиковым, Фадеевым, Шпейкиной-Курьерки, Качаловым, Морозовым и другими выдающимися писателями, артистами и учеными.

Фадеев в одном из писем И. Малютину выразил пожелание, чтобы он написал свои воспоминания. Как сообщает газета, воспоминания написаны и в ближайшее время выйдут в свет.

без мужества и антирности людей науки. И капитализм перед темными силами, он не только нанес поражение делу разума, но и совершил роковой по своим историческим последствиям акт — разорвал тесные узы между наукой и народом.

Осуждая себя за это и предвизая, на какой уродливый и опасный путь может ступить пить наука, не считающаяся для себя высшим законом служения народу Галилей прощесно восклицает: «Простая между вами и человечеством может в один прекрасный день быть настолько огромной, что на ваши крики торжества по поводу какого-нибудь нового открытия вам ответит всеобщий новый ужас».

Брехт, который во всем своем творчестве был прежде всего художником мысли, социалистическим просветителем, апеллирующим к разуму читателя и зрителя, придавал особое значение драме «Жизнь Галилея», одному из своих в философском отношении наиболее глубоких и художественно наиболее совершенных произведений. Будучи не только драматургом, поэтом, прозаиком, но и выдающимся режиссером, он весной 1956 года начал готовить постановку этой пьесы совместно со своим старым другом и соавтором, известным режиссером Эрхом Энгелем. Болельщик и смерть Брехта застали его в разгар работы, и Энгель один продолжал репетиции и довел спектакль до премьеры. И, несомненно, в сегодняшнем заслуженном режиссерском триумфе Энгеля есть и вклад Брехта.

О режиссерских принципах Брехта и творческой практике «Берлинского ансамбля» распространены довольно поверхностные и, по существу, ошибочные представления. Иной раз приходится слышать, что искусство Брехта — это «оптическое чудо», «парадник движения и красок», «торжество ариэличности» и т. д. В этом духе, например, славил Брехта на вечеру, посвященном его памяти, один талантливый советский режиссер. Но это неверно: не всегда и не во всем спектакль «Берлинского ансамбля» — парадник для глаза, но он всегда парадник для разума, для сознания зрителя. Художник-мыслитель, Брехт не признает никаких режиссерских решений, найденных ради внешнего эффекта. Любая мизансцена у него идейно содержательная, пронизана глубокой мыслью, органически связана с философской концепцией спектакля в целом, которая в свою очередь не терпит пустот и находит свое выражение в любом элементе постановки.

Одна из наиболее впечатляющих сцен спектакля — сцена, в которой папа Урбан VIII предает Галилея в руки инквизиции. Во время диалога между папой и кардиналом-инквизитом, требующим выдачи Галилея, происходит обложение папы для предстоящего приема представителей «святых орденов». В этой сцене много радует глаз белоснежный стихарь папы, красная риза кардинала, черные сутаны монахов и служат образуют живописные красочные пятна. Недостаток действия, статично-диалогический характер сцены Энгель компенсирует движением, связанным с обрядом обложения папы: привычные, строго регламентированные определенным ритуалом движения монахов, одевающих папу и подносящих ему предметы его обложения, достигают почти балетной ритмичности и филigrанного отточности.

И все же не в этом суть. Не к физическому, а к духовному зрению, к разуму зрителя обращено искусство режиссера. Обложение папы есть в то же время его разоблачение. Сначала восседающий на престоле в одном белом папа громко восклицает: «Нет, нет и нет!» Честные человеческие убеждения — уважение к науке, чувство симпатии к гениальному ученому — заставляют Урбана VIII решительно сопротивляться домогательствам инквизиции. Но в процессе обложения он яственно преображается. По мере того, как перед зрителем возникает разряженная кулка, серебристая лапа, исчезает человек. Под тяжестью ладанника и тязы рушится первоначальная решимость Урбана VIII. «В самом крайнем случае», — говорит он — пусть ему только покажут оружие папы». «Этого будет достаточно, ваше святейшество», — отвечает инквизитор. — Господин Галилей ведь разбирается в оружии».

Философская значительность и идейная содержательность характеризуют в большом и малом всю режиссерскую концепцию спектакля, причем блестящим успехом он не в малой степени обязан и мастерству актерского исполнения.

В роли Галилея выступает один из выдающихся деятелей искусства ГДР, всемирно известный революционный актер и певец Эрнст Буш. Он создал образ большой интеллектуальной глубины и сложности, образ мудреца, в котором уютность и стремительность мысли сочетаются с простотой и естественностью человека племейской заклатки, веселого насмешника, темпераментного, легкого впадающего в гнев, но и в гнев сохраняющего поразительную ясность ума. Демократическое объяснение, присущее Бушу как актеру и гражданину, естественно передается к его герою, и, возможно, поэтому положительные начала в образе Галилея нашли более яркое актерское воплощение, нежели те качества, которые привнес в него в конечном счете к моральному падению. Впрочем, образ, созданный Эрстом Бушем, — это актерское достижение такого масштаба, что анализ его не был бы исчерпан даже специально ему посвященной статьей.

Премьера пьесы Брехта в Берлинском ансамбле прошла с колоссальным успехом. 60 раз поднимался и падал занавес. Публика, иностранные гости со всех пяти континентов горячо выражали свое восхищение мастерством драматурга и театра и свою солидарность с гуманистическими, прогрессивными идеями спектакля. Из этого успеха тотчас попытались извлечь свой барыш мелкие политические спекулянты. Как раз в дни моего пребывания в Берлине с легкой руки Фридриха Люфта — театрального критика по профессии и волонтера любой антикоммунистической клеветы по призыванию — в ряде западноберлинских газет появились статьи, в которых фальсифицировалось общественный смысл спектакля и под прикрытием восторгов, расточаемых по адресу Брехта, втаптывались в грязь его убеждения, дело всей его жизни.

Истинная воля, которая была поднят продавцами журналистами вокруг спектакля «Берлинского ансамбля», является, быть может, наиболее убедительным свидетельством того, что удар достиг цели, и те, против кого была направлена пьеса, уловили ее пафос — пафос беспощадного осуждения духовной проституции и беспринципного служения корыстным интересам господствующего класса.

БВРЛН—МОСКВА

СТАМБУЛ

1. Стамбул поздним вечером, но окна самолета, облетающего большую европейскую часть города...

Трудно поверить, что лететь над одним из красивейших городов мира. Пассажир ночного самолета лишь незабываемых впечатлений путешественников...

В то утро мне пришлось сразу ответить на вопрос журналистов, который повторялся не раз, пока я был в Турции: — Какие перемены вы испытали в Турции за двадцать четыре года?

Действительно, почти четверть века назад автор этих заметок впервые был в Турции. Это было в 1933 году, и, разумеется, я увидел большие перемены в 1957 году.

Спешу оговориться, я не буду вспоминать недавнее прошлое, которое оставило глубокую память и у нас, и у турок...

Прежде всего автомобили, главным образом американских марок. Затем американского типа форма жандармерии, с белыми ремнями накрест и тентами...

Если говорить о других переменах в Стамбуле, древнейшем городе, который уже пять столетий турецкий город, то эти перемены, разумеется, открываются для иностранца не сразу.

Итальянские фильмы, заслужившие всеобщее одобрение своими художественными достоинствами, человечеством и правдой...

Давно, очень давно не идут наши фильмы, хотя, например, фильм «Арена смелых» пользовался успехом. Более чем странно, например, что такой фильм, как «Ромео и Джульетта»...

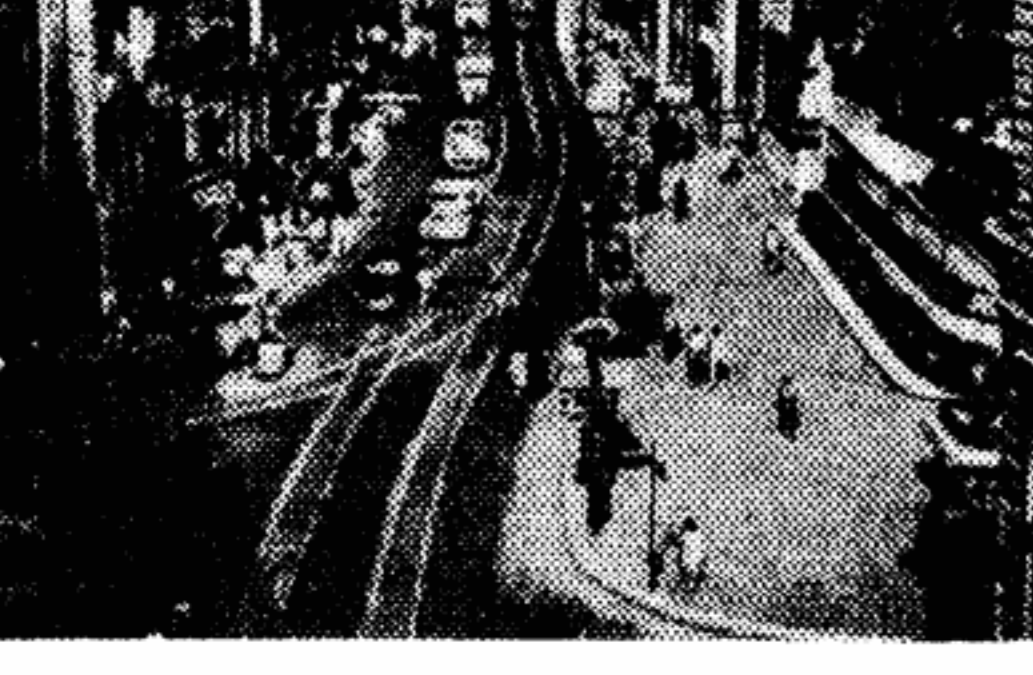
Перемены надо видеть даже не на площади Таксим, где возвышается памятник в честь борьбы за независимость...

Реконструкция такого города, как Стамбул, — нелегкое дело. Достаточно взглянуть в переулки и в улочки, примыкающие к Истиклялю...

Дело не только в росте автомобильного движения, а в том, чтобы вообще превратить Стамбул в современный город...

В соседстве с этим углом находится зайд, где выставлены некоторые образцы рисунков, предназначенных для текстильной промышленности...

Нельзя не заметить влияния западноевропейской и американской моды. Сколько бы ни приходилось говорить с учеными, журналистами, писателями, представителями власти...

Стамбул — улица Независимости

теть Стамбул в современном городе. Сейчас в городе не хватает питьевой воды и газа. Несмотря на паромы, вмещающие десятки грузовых и легковых автомашин...

Говорят и о постройке стамбульского метрополитена. — проект представило одно французское общество. А пока довольствуются стареньким фуникулером...

В планах реконструкции Стамбула разработаны проект театра, настоящего, современного, оборудованного по последнему слову техники оперного театра. Не странно ли, что город с почти полуторамиллионным населением не имеет хорошего современного театрального здания...

В городе, и особенно на проспекте Истикляль, немало кинотеатров. Как правило, на экранах Турции показывают продукцию Голливуда. Среди десятков сотен фильмов — полицейских, эротических, ковбойских, изображающих отвратного белого колонизатора...

Иногда возникают на экране привлекательные образы парижских манекенщиц — героинь чуждого не единственного шедшего в эту весну французского фильма.

Итальянские фильмы, заслужившие всеобщее одобрение своими художественными достоинствами, человечеством и правдой...

Давно, очень давно не идут наши фильмы, хотя, например, фильм «Арена смелых» пользовался успехом. Более чем странно, например, что такой фильм, как «Ромео и Джульетта»...

Перемены надо видеть даже не на площади Таксим, где возвышается памятник в честь борьбы за независимость...

Реконструкция такого города, как Стамбул, — нелегкое дело. Достаточно взглянуть в переулки и в улочки, примыкающие к Истиклялю...

Дело не только в росте автомобильного движения, а в том, чтобы вообще превратить Стамбул в современный город...

В соседстве с этим углом находится зайд, где выставлены некоторые образцы рисунков, предназначенных для текстильной промышленности...

Нельзя не заметить влияния западноевропейской и американской моды. Сколько бы ни приходилось говорить с учеными, журналистами, писателями, представителями власти...

музык-хольного порнографического номера «стрип-тис», влияние иллюстрированных журналов, рекламирующих обнаженных исполнителей танца живота.

В то время, когда я был в Стамбуле, стамбульский губернатор профессор Гекай вынужден был запретить исполнение рок-н-ролла, впрочем, вечер танца состоялся под видом «конкурса танцев» и кончился скандалом с вмешательством полиции.

В связи с этим следует сказать о настроениях молодежи, которые тревожат деятелей культуры в Турции. Надо сказать, что молодежь только от старших слышала о войне за независимость, о том, как их отцы спасли свою родину от оккупации и раздела, о героев, который проявил турецкий народ в борьбе за независимость.

АНКАРА

Привлекательным является ученого мира цветной фильм о древней культуре хеттов, хеттидов, как здесь их называют.

Литературный факультет Стамбульского университета включает отделения турецкое, китайское, индийское; остается только пожалеть, что в университете до сих пор нет отделения славянских языков.

Стамбульские встречи начались для меня беседами с писателями и журналистами, которых я знал по прежним временам, 24 года назад.

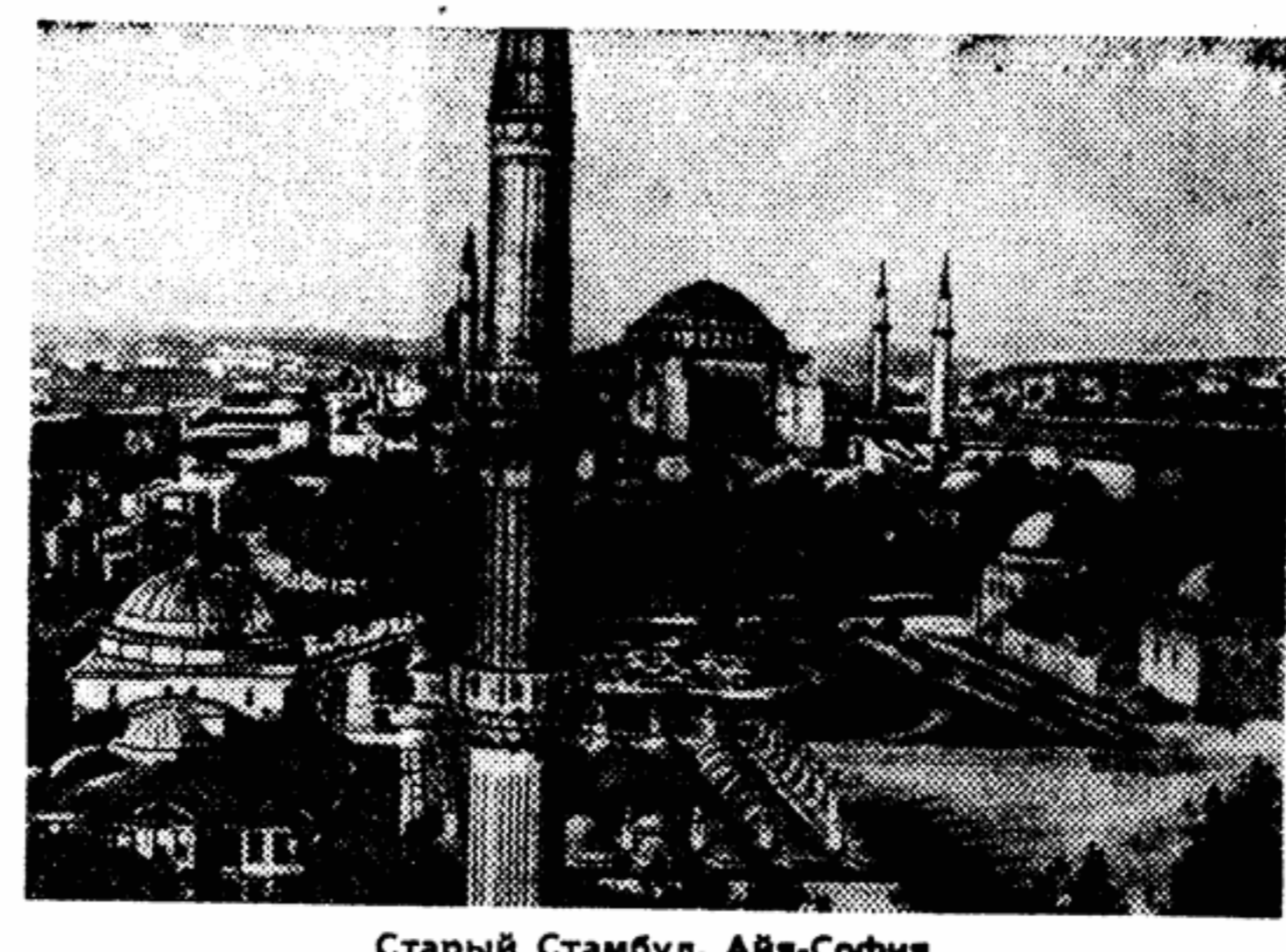
Писатель Фалих Рыфы Атай — редактор газеты «Дюнья» — помнил наше знакомство и встретил меня тепло в своем рабочем кабинете в редакции.

Большее всего говорили о великой русской классической литературе — о Тургеневе, Толстом, Достоевском и Чехове, популярных в Турции. Их сочинения переведены полностью.

Стамбульские встречи начались для меня беседами с писателями и журналистами, которых я знал по прежним временам, 24 года назад.

В соседстве с этим углом находится зайд, где выставлены некоторые образцы рисунков, предназначенных для текстильной промышленности...

Нельзя не заметить влияния западноевропейской и американской моды. Сколько бы ни приходилось говорить с учеными, журналистами, писателями, представителями власти...

Старый Стамбул. Ай-София.

зритель, к сожалению, не имеет представления о нашей кинематографии — документальной и художественной, так же как турецкий читатель о советской литературе и искусстве.

Стамбульские театры, муниципальные, мне кажется, увлекаются главным образом, переводными пьесами французского автора. Пьесы Верней, Кокто — все же чужеродный материал для турецких актеров, даже для актеров-комиков — турецкие комические актеры достойны восхищения...

Стамбул — город музеев и исторических памятников. В кратких путевых заметках трудно рассказать о замечательных древнегреческих, византийских и турецких памятниках старины. Всемирно известны сохранившиеся в муниципальном музее памятники античной древности — саркофаг «Пахавицица» и так называемый саркофаг Александра Македонского...

Эпизод султанской власти — документ, удостоверенный с печатями, выданное оккупационными властями союзников в Стамбуле в 1920 году, свидетельствующее об аварии автомобиля его величества султана.

В одной из этих скромных комнат, в спальне, кончилась жизнь великого государственного деятеля Турции Мустафы Кемали-паша, которого народ назвал отцом турок — Атаатюрком.

ИЗМИР

С этого дня началось дружественное отношение Турции и СССР. Эта дата не излагается из памяти нашего и турецкого народов.

Стамбул — огромный, разнообразный город, и подробно рассказать о том, каков он в наши дни, — непосильный труд. Порт, улицы Галаты, старый город — это прежде всего десятки, сотни тысяч людей разных классов, богатых, среднего достатка и бедняков.

На перекрестках улиц старого и нового города, на мостовой, в порту нельзя не заметить людей, одетых в лохмотья, с веревкой в руке, выглядывающих в каждого проходящего искательным взглядом. Это хамалы — трудолюбивые носильщики. По крутой, спускающейся под гору улочке, за ничтожную плату, хамал тащит на спине тяжелый груз: иногда это ящик с товарами, старое ражавое железо, дрова, тух с углем, а то и холодильник. Начальнее всего, что таскают непосильные тяжести даже мальчуганы, в отроческом возрасте и, как и взрослые, за ничтожную плату. Почти всегда хамал — крестьянин из отдаленной деревни, которого год гонит на заработки в город. Здесь он временный чернорабочий, а чаще всего хамал — вояка.

Десять дней в Стамбуле — это только начало путешествия. Дальше — Анкара, столица, затем Измир и возвращение в Стамбул.

Эта была хорошая начало, и, уезжая в Анкару, я чувствовал уверенность в том, что дружеские встречи ожидает и дальше советского писателя, путешествующего по Турции в наши дни.

СТАМБУЛ, февраль—март 1957 года

ЖИТЬ В ДРУЖБЕ И В МИРЕ

Прибалтийские помещики некогда славившие своей бешеной охотой с гонимыми. Свора собак неслась за зверем, шайка бар мчалась за ними через поля и луга, топтача крестьянские посевы и траву, на что крестьянин не имел даже права жаловаться... Барин развлекался. Но тот, кто трусился на этих полях, не понимал барских увеселений: что за радость могла быть в уничтожении плодов тяжкого труда людей...

Нечто столь же непонятное происходит сегодня в международной жизни малых и относительно слабых стран. Вместо того, чтобы осуществлять свои декларации о праве народов на суверенитет и самоопределение, великие державы Запады затеали своеобразную охоту с гонимыми. Страна за страной, народ за народом охотятся сетями пактов, блоков, баз, а потом топчут их землю, уничтожают плоды их труда.

«Подгнило что-то в датском государстве», — сказал один из героев шекспировского «Гамлета». Да, что-то подгнило нынче и в международной жизни. Вместо провозглашенной политики уважения суверенитета народов проводится грубая политика развязывания новой войны, политика экономической копейки, политика полного пренебрежения к интересам малых стран и народов, — своего рода «охота с гонимыми». Манира сужаживания? Некоторые большие державы за малыми странами напоминают буйствующий в нашем народе амористический рассказ об одном хитром женихе, который сватался к злой девушке. По дороге к невесте он убил лошадь и собаку, а прибыл на место, сказал невесте: «Жизнь такой человек: кто меня расстроит, того убью». И приструнил-таки невесту.

Результатом новейшей международной политики шантажа, как известно, является размещение на территориях стран — членов НАТО американских воинских частей, оснащенных атомным оружием. В числе этих стран находится и маленькая Дания — страна, географически близкая к Советскому Союзу, к нашей Эстонской Советской Социалистической Республике.

«Достаточно взглянуть на карту Европы», — говорится в послании Н. А. Булгакина премьер-министру Дании Х. К. Хансену, — чтобы увидеть, что Дания призвана играть особую роль, отличающую ее от других малых государств нашего континента. Дания — это страж важных международных проливов, от которых зависит нормальное морское сообщение с внешним миром всех стран Балтийского бассейна, а также в известной мере и безопасность народов этих стран. Это обстоятельство накладывает на руководителей датского государства немалую ответственность перед другими народами, ибо внешнеполитический курс, которого придерживается Дания, непосредственно затрагивает национальные интересы прибрежных государств Балтийского моря.

Очень правильно сказано. Наша Эстонская ССР также является одним из прибрежных государств Балтийского моря. В незапамятные времена наши моряки на своих кораблях отыскали путь через датские проливы на запад и юг. Эти морские пути восточные государства на всем протяжении истории. Столетиями наши экспортные товары доставлялись на мировой рынок через датские проливы. Наши рыбаки отправляются на лов сельди в Северную Атлантику этим же путем. Датчане до сих пор ходят близ нашего Сааремаа за углем и лесом. И сколько мы помним себя, не было между нами, народами Западного моря (как иногда называют шведов, датчан, финнов и народы Прибалтики), никаких недоразумений ни по поводу общих рыбопромысловых вод, ни по поводу общих морских путей. Датчане всегда добросовестно соблюдали принцип свободы мореплавания. Мы, народы, живущие на восточном побережье Балтики, всегда сотрудничали с датчанами и хорошо понимали друг друга.

Это понимание было основано, без сомнения, на взаимном уважении суверенитета, на признании за каждой страной права строить свою жизнь так, как ей это нравится. Кроме того, мы, эстонцы, с течением времени многому научились у датчан. Наша молодежь возматривала сказками чудесного сказочника Андерсена не меньше, чем молодые датчане. Георг Брандес, своими работами оказавший влияние на всю мировую литературную критику, способствовал также развитию нашей критической мысли и реалистической литературы, критиковавшей буржуазный строй. У нас, как и во всем Советском Союзе, давно переведены многие выдающиеся произведения датских писателей-реалистов, таких, как И. Якобсен, К. А. Геллеруп. Только недавно вышел на эстонском языке роман М. Андерсена-Нексе «Пелле-Завоеватель»: тридцатипятилетний возраст его оказался совершенно недостаточным, так что пришлось немедленно его дополнить. Знаменитый датский скульптор-классик Торвальдсен доставил нашим любителям искусства столько же прекрасных мгновений, сколько и датчане.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза вновь заявил о возможности мирного сосуществования двух систем, о возможности мирного соревнования между ними. Почему же не жить в мире и не соревноваться? Идеологию не победят с оружием в руках. Это старая истина. Могли бы понять ее и те современные политики, которые все еще дрожат перед некоторыми идеологами. Потому что колесо истории человечества нельзя заставить вертеться в обратную сторону даже с помощью атомной энергии. Идея обладает большей силой, чем любое оружие. А наша идея — жить в дружбе и мире со всеми народами. Такова сегодняшняя истина и необходимость.

ТАЛЛИН, апрель

Вильде, которого в некотором отношении можно сравнить с Андерсеном-Нексе и произведения которого известны и датскому читателю, прожил долгие годы своего изгнания в Копенгагене, где написал такие произведения, как «Духовные», «Непостижимое чудо» и «Домовой». Как видим, наши культурные связи с датским народом весьма разнообразны. Не больше того: у нас с датчанами есть еще и очень «интересные» общие исторические воспоминания. В начале XIII века датские короли в сражениях с эстонцами положили утвердиться на севере Эстонии и обосновали на месте эстонской крепости, теперешнего Таллина, свой замок с башней «Длинный Герман», по сей день сохранившийся в панораме Таллина... История историй... однако датская «Libert Centus Danicae» до сих пор ценится историками как неперечепаемый источник исторического материала.

Как над Эстонией, так и над Данией пронеслись многие исторические бури, войны и битвы. Как Советский Союз, так и Дания подвергались гитлеровскому нашествию. И эстонские, и датские патриоты принесли немалые жертвы во имя освобождения от ига германского захватчика. И нет оснований сомневаться, что наши народы готовы и впредь защищать свою свободу, не считаясь со страданиями и жертвами. Мы, советские люди, уважаем суверенные права других наций. Стремление жить свободно, самим устраивать свою жизнь свойственно в наше время народам всего мира. Поэтому-то нам и непонятно, как можно терпеть на территории свободного датского государства чужие военные базы?

Если военный аппарат НАТО затекает все более вызывающую «охоту с гонимыми» и угрожает «запереть» Балтийское море, то разве не естественно бесполое восточных соседях как за свою судьбу, так и за судьбу Дании? Каждый человек, мало-мальски способный предвидеть последствия атомной войны, должен признать, что такая война явилась бы всемирным бедствием.

Конечно, ни один народ не ищет своей гибели. Все эти угрозы закрытия сухопутных путей, создания атомных баз исключают от народных масс Дании, Норвегии или какой-нибудь другой страны и не впадают с их интересами. Они рождаются под нажимом тех сил, которые на словах провозглашают мир и суверенитет народов, а на деле все нагнетают, все бесперечнее носят с гонимыми по чужим полям и лугам. Эти угрозы исходят от тех, для кого любая страна не более, как плацдарм для завоевания мирового господства. Поэтому, имея в виду достижения талантливой и трудолюбивой датской народы и помня об исторических связях прибалтийских народов, об их общих интересах, повторим слова Н. А. Булгакина:

«Нам представляется, что Дания, интерес которой неразрывно связаны с интересами многих государств на Востоке и Западе Европы, могла бы найти гораздо более надежные пути обеспечения своей безопасности, чем политика, направленная на то, чтобы связать судьбу Дании с определенной военной группировкой держав, цели которой не имеют ничего общего с поддержанием полной безопасности на европейском континенте».

«To be or not to be»* — этот вопрос вновь стоит перед датским народом. Все мы знаем, что пакты и блоки создают не для разделения. Всеюе разделение слабей перед лицом другого есть угроза. Естественно, что почувствовавшая опасность также хватается за оружие. Таким образом, мы легко можем оказаться перед фактом, когда новейшие достижения науки, величайшее открытие человеческого разума будет использовано для уничтожения самого человека и прогресса, достигнутого им в результате многовекового труда. Но разве в этом смысл нашей эпохи? Мы ведь живем уже не в век охоты с гонимыми полудикими феодалями!

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза вновь заявил о возможности мирного сосуществования двух систем, о возможности мирного соревнования между ними. Почему же не жить в мире и не соревноваться? Идеологию не победят с оружием в руках. Это старая истина. Могли бы понять ее и те современные политики, которые все еще дрожат перед некоторыми идеологами. Потому что колесо истории человечества нельзя заставить вертеться в обратную сторону даже с помощью атомной энергии. Идея обладает большей силой, чем любое оружие. А наша идея — жить в дружбе и мире со всеми народами. Такова сегодняшняя истина и необходимость.

Тот, кто платит за музыку...

В сенате США существует подкомиссия, несущая красочное и многозначительное название: «подкомиссия по Привилегиям и Выборам». Дело в том, что при американской «демократической» системе выборов, которые финансируют избирательные кампании, получают взамен наибольшие привилегии. Кто, как говорится, платит за музыку, тот и танцует. Так что наличие подобной подкомиссии вполне естественно.

Из опубликованных недавно подкомиссией сведений выясняется, кто и как финансировал избирательную кампанию 1956 года. Вполне понятно, что наибольшую активность проявляют влиятельные финансовые тузы. Какая-нибудь дюжина семейств миллиардеров внесла в фонд республиканской партии 1 040 526 долларов. Список жертвователей читается как светский справочник. Первое место в нем занимает семейство Дюпонов со всеми своими генеалогическими разветвлениями. Вот их взносы в фонд республиканской партии: Дюпон Ф. — 9 000 долларов, Дюпон Тенри с женой — 6 100 долларов, Дюпон Арни — 26 295 долларов, Дюпон Николае — 5 000, Дюпон Пьер с женой — 9 200, Дюпон Рейнольд с женой — 8 400, Дюпон Уильям младший — 9 000. Короче говоря, семейство Дюпонов дало на избирательную «музыку» республиканской партии 248 423 доллара.

Принимая во внимание разнообразие привилегий, которые обеспечиваются крупнейшим монополием (в основном сокращение налогов на крупные прибыли и выгодные военные заказы), надо признать, что эти деньги они не бросают на ветер. Интересно, как из года в год возрастает и цены на некоторые посты, например, на дипломатические. Джозеф Олсон сообщает в «Нью-Йорк геральд трибюн», что заметно подорожали цены на посты посланников США в различные страны!

Выборы и привилегии, как мы видим, находятся в прямой зависимости.

В сенате США существует подкомиссия, несущая красочное и многозначительное название: «подкомиссия по Привилегиям и Выборам».

Из опубликованных недавно подкомиссией сведений выясняется, кто и как финансировал избирательную кампанию 1956 года. Вполне понятно, что наибольшую активность проявляют влиятельные финансовые тузы.

Принимая во внимание разнообразие привилегий, которые обеспечиваются крупнейшим монополием (в основном сокращение налогов на крупные прибыли и выгодные военные заказы), надо признать, что эти деньги они не бросают на ветер.

Выборы и привилегии, как мы видим, находятся в прямой зависимости.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМОРНОВ, В. ФРОЛОВ.